

«Маскарад»

Виктор Марков

В июне 1951 года в городском драматическом театре заканчивался 124-й театральный сезон. 26-го июня под занавес сезона таганрогский зритель увидел новую работу чеховцев – драму М.Ю. Лермонтова «Маскарад». Спектакль вошел в историю нашего театра исключительно в связи с именем талантливого актера, выпускника ГИТИСа 1944 года, ученика народного артиста СССР М.М. Тарханова и заслуженного артиста РСФСР В. В. Белокурова Алексея Глазырина, сыгравшего роль Евгения Арбенина.

«Маскарад» М.Ю. Лермонтова, несомненно, является мелодрамой (любовь – ревность – подозрения в измене – «разборки» в семье – яд – смерть любимой – много слез), которая в советские времена была не в почете в отечественном искусстве и считалась чисто «буржуазным» жанром. Режиссеры, беря в разработку пьесу или киносценарий с мелодраматическим содержанием, чаще всего маскировали их под произведения «большого социального значения и высокого гражданского звучания». Так вышло, что в один и тот же год «Маскарад» был поставлен и у нас в Таганроге (июнь), и в Ростовском театре имени А.М. Горького (ноябрь). В таганрогском театре спектакль поставил ищущий, одержимый, творящий чудеса Художник, главный режиссер Чеховского театра С.С. Лавров. Трудно, ох как трудно было избежать «грехопадения» в мелодраму, но режиссер устоял, да и актеры, понимая свою задачу, сделали все возможное.

А у ростовчан спектакль не получился. В областной газете «Молот» ростовский Арбенин был резко раскритикован. Позволим себе небольшую цитату из рецензии на спектакль: «...он (актер, игравший Арбенина. - В.М.) не оттенил глубины духовных противоречий Арбенина, не выразил желчный ум, которым герой безжалостно казнит и пестрый светский сброд, и самого себя».

И тут же: «Арбенин, лишенный главных характерных черт, превратился в мелодраматического героя, для которого постановщик приготовил немало «красивых» поз и жестов, например ползание Арбенина на коленях, его «эффектное» появление с охапкой цветов и т.д.».

Невольно вырывается возглас удивления: «Как же так, ведь и наш Арбенин-Глазырин ползал на коленях, а критика это ему в вину не ставила?!» В самой последней картине, когда Арбенин узнает о смерти Нины (арт. И. К. Шульмейстер), у него подкашиваются ноги, он падает на колени и, рыдая, буквально выползает на авансцену. Глазырин плакал по-настоящему, с ним происходила натуральная истерика. Это было какое-то безумие, хотя у самого Лермонтова эта сцена более сдержанная. Старые театралы рассказывали, что на актера невозможно было смотреть без сострадания, женщины в зале не стеснялись своих слез. И так происходило на каждом спектакле. Глазырин был волевым человеком, он источал энергию даже тогда, когда силы покидали его, в любой роли он оставался внутренне сильным и деятельным, был личностью неординарной. Вот он и не допустил сползания в мелодраму, хотя и рыдал по-настоящему.

Заведующий постановочной частью театра тех лет Е.В. Нестюрин, близко знавший актера и друживший с ним, рассказывал:

- Как-то на одном из спектаклей Глазырин подошел ко мне и говорит: «Не знаю, Жень, как дальше играть, не идет у меня Арбенин, да и настроения совсем нет». Я удивился: «Как это не идет? Смотри, как зал тебя принимает!» А он в ответ: «Да нет, это все не то». Развернулся и пошел к себе в гримерку, где у него всегда было чем поправить настроение. После третьего действия он опять подошел ко мне и говорит: «Жень, выпусти меня, пойду заправлюсь, а то не осилю девятую картину (смерть Нины. - В.М.)». Одного я его не пустил. Через «потайную» дверь мы вышли с ним в небольшой скверик, где тогда находился широко

известный павильон «Пиво-соки-воды». Там наливали не только воду, и мы заказали по сто пятьдесят граммов водки, как всегда в долг. Сели за столик, я то и дело поглядывал на часы, а на нас уже всю глазели завсегдатаи этого заведения, ведь Алексей был в гриме и костюме XIX века. Мы чокнулись, произнесли обычное: «Ну, будем!» – и... Алексей отставил стакан. Я говорю ему: «Леш, ну давай, пять минут осталось до начала», а он: «Успеем, Женя, не идет проклятая, и не выпить нельзя». И вот, когда оставалась ровно одна минута, он залпом хватил стакан, запил водой и скомандовал: «Теперь на сцену, работать!»

А в театре уже был настоящий переполох, ведь никто не видел, когда мы выходили. Подбежал Костя Хлопотов, ведущий спектакля, весь на нервах. «Где вы шлялись? – орет. – Ему же выходить!» И показывает на Глазырина. А тот ему в ответ: «Замолкни! Не тебе же играть». И пошел на сцену, на ходу поправляя парик. А через минуту раздался надрывный голос Арбенина-Глазырина:

*Я ослабел в борьбе с собой
Среди мучительных
усилий...*

ЦГТБ имени А. П. Чехова